
Е. Н. Эдельсон

«Отечественные записки». 1851 год, № 2-й

Вотделе изящной литературы этой книжки помещены: 1. «Две сестры», повесть Евгении Тур, и <2.> «Старый дом», роман В. Р. Зотова. Окончание второй части.

«Две сестры» бесспорно не лучшее произведение г-жи Тур, так блистательно начавшей свою литературную деятельность. — Считаю беспристрастный и по возможности полный разбор за лучшее доказательство нашего участия и уважения к таланту автора, мы укажем далее и достоинства, и недостатки новой его повести; теперь же пользуемся случаем, чтобы высказать несколько общих замечаний насчет особенностей таланта и деятельности г-жи Тур.

Есть очень много побуждений, по которым пишутся романы, повести и т. д. — Побуждения эти проглядывают более или менее в образе рассказа, в выборе предмета, одним словом, во всем том, что составляет особенность каждого писателя, легко узнаваемую в каждом новом его произведении. — Если бы требовалось указать на подобную особенность в сочинениях г-жи Тур, то внимание невольно обращается на постоянное присутствие серьезной мысли, которая веет во всем, что она ни написала до сих пор. Видно, что нет в ее рассказах ничего необдуманного, случайного, написанного без цели. — В самом изложении нет ни претензии на остроумие, ни сатирических замечок, ни особенной игривой легкости, одним словом, ничего такого, что изобретено писателями для прикрытия пустоты содержания. — Он прост до того, что иногда это кажется нам будто недостатком. — Нет также у автора ни одного из тех искусственных приемов, которыми, например, подготавливается и усиливается впечатление, и делается многое другое с невинными и ничего не ведущими читателями. — Видно, что все желание г-жи Тур состоит в том, чтобы раскрыть пред читателем до возможной полноты и ясности все существо дела, ввести его поскорей в созданный ею круг, поставить на свое место и передать ему истинный взгляд на все эти лица и на все это событие. — И автор с первых же слов приступает к этой цели, вводя вас в дело без всяких предисловий и литературных объяснений. Будем признательны г-же Тур за эту любовь к делу, которая спасла ее от многих уклонений с прямой дороги в искусстве.

Другое достоинство, приятно поразившее нас в произведениях г-жи Тур, есть то, что всего приличнее, по нашему мнению, назвать искренностью. Считаю нужным небольшое объяснение по поводу этого слова и подкладываемого нами под него понятия... Недостаток искренности замечен не только в литературе нашей, но и в нашей жизни. — Наши чувства как-то разделены на такие, которые можно назвать официальными и которые мы с удовольствием обнаруживаем везде без всякой боязни осуждения или насмешки; и на такие, законность и правоту которых мы все признаем втайне, но обнаруживать и высказывать которых не любим. — Точно так же есть многие отношения, полные прелести и действительных

наслаждений, без которых человеку жить нельзя и которые именно составляют полноту жизни во всяком человеке, не исказившем до безобразия своего сердца. Таковы, например, отношения любви, дружбы и другие. Но если мы наслаждаемся подобными отношениями, то наслаждаемся как-то втайне, из боязни ли за их святость и неприкосновенность или по другим более самолюбивым причинам — разбирать не беремся; — публично же, гласно мы занимаемся совсем другим, как будто и на свете не было этой другой половины нашей жизни. — Как бы в ответ на такое направление литература наша (конечно, новая) стала решительно смеяться не только над выражением чувств, но и над всякими чувствами; многим чрезвычайно пришлось по вкусу эти холодные и бесстрастные личности, которые проходили жизнь, не привязываясь ни к чему, спокойные и гордые своею независимостью и не покорившиеся ни одному из тех чувств и связей, которые составляют все счастье человеческой жизни, но вместе с тем, по естественным законам, делают человека отчасти своим невольником, ко многому его обязывают. И вот в угождение охотникам до таких демонских натур появилось в литературе множество произведений, имевших единственной целью выводить таких героев (слава богу — не нашего времени!), в которых уже не оставалось ничего человеческого. — Как было простодушным людям не удивляться этим людям, которые страдали не по тем причинам, по каким страдаем мы, бедные смертные, чувствовали совсем не то, что мы чувствуем, а что-то такое, что было и ужасно больно и ужасно сладко вместе. — Но всякой нелепости лежит конец: во-первых, в живых силах человеческого понимания, которое не может долго отворачиваться от здоровой действительности, и, во-вторых, в естественном развитии всякой фальшивой мысли, которую услужливые люди сумеют очень скоро довести до таких нелепых размеров, что наконец всякому станет ясно, какую дрянь принимал он за дело. — Соединенными усилиями двух названных причин измельчился и стал гадок в глазах всех прежде столько любезный тип. — Но мы завлеклись было и стали повторять то, что гораздо подробнее высказано было в прошлых номерах нашего журнала при разборе «Современника». Перейдем к тому, что мы хотели прибавить к этому от себя.

Силою общего знания кумир пал и, надеемся, не встанет безнаказанно ни под какую форму, но уничтожились ли все те причины, которые содействовали его появлению? — Разбирая беспристрастно это дело, как прошлое, мы невольно должны сознаться, что сама литература наша немало способствовала к тому, чтобы нашлись писатели и читатели, которые стали отдавать исключительное предпочтение и сочувствие таким личностям, как личности Печорина, Тамирина и тому подобных. Действие ее в этом случае было отрицательное. — Становясь в иных случаях на сторону нормального человека, то есть чувствующего и живущего наперекор природе человеческой, признавая за людьми право и любить, и чувствовать дружбу, и мучаться, и радоваться, она умела во многих случаях представить все нормальные отношения человека в таком виде, что никто не узнавал в них тех живых и полных правды представлений. — Выводились такие лица и такие отношения между ними, каких не только никому не случалось испытывать, но даже замечать и в других. — Наконец, все это дошло до того, что порядочным людям стало совестно так говорить и чувствовать, как это делали герои повестей и романов, призванных, как известно, изображать общество — и, разумеется, не отказывавшихся от претензии выполнять это призвание. Мы думаем, что такое состояние литературы объясняет отчасти то новое фальшивое ее направление, на которое мы нападали выше.

Где же была причина этих недостатков литературы? — Мы думаем, что она заключалась главнейшим образом в недостатке искренности или, пожалуй, естественности, что в известном отношении одно и то же, потому что естественность в художественных произведениях необходимо требует искренности в писателях. Может

быть, мысль эта и не нова для большинства читателей, тем не менее, мы остановимся на ней, держась того мнения, что не мешает иногда повторить и старую правду, особенно если есть надежда, что кто-нибудь услышит ее и в первый раз.

Во всякое произведение искусства, кроме идеи автора, входит еще запас наблюдений, как над самим собой, так и над окружающею его жизнью. — Раскрыть связь между идеей и употребляемым ею материалом — дело трудное; но то не подлежит, кажется, сомнению, что сама идея не может быть вполне художественною, если этот материал не сохранился в душе в своем настоящем виде, не искаженный какими-нибудь лукавыми мудрованиями. — Еще менее подлежит сомнению, что писатель, для того чтобы его произведения были верным изображением общества и оказывали действительное и полезное на него влияние, должен сохранить во всей свежести получаемые им из жизни того же общества наблюдения. — Ибо только этим путем достигается естественность в художественных созданиях, без чего ни общество не будет узнавать себя в выводимых картинах, ни каждый отдельный человек — не будет находить своих движений в том, что говорится и делается героями романов.

Как и следовало ожидать, первый выход к естественности и искренности был сделан комедией и вообще произведениями, написанными в сатирическом роде. Появились на этом поле такие представления, в которых свежесть потребленного на них материала бросилась всем в глаза, в которых нельзя было не узнать такого, что действительно случается и в обществе, и в душе человека. — Всем стала ясна правда, бывшая в таких созданиях.

Но отношения комика к создаваемым им типам несколько иные, нежели у писателя, стоящего на стороне своих героев. — Комик как будто отрицает выводимых им лиц, становится выше, и если мы знаем, что не безызвестны ему некоторые из тех душевных движений, какие он влагает в создаваемые им типы, если мы знаем, что много своего он вносит в эти лица, то мы не останавливаемся никогда на этой мысли, нам не приходит в голову смешать личность автора с личностями его героев. — Причины этого не требуют пояснения. — Но когда автор выводит лица, не скрывая своего к ним участия, тогда невольно переносишься с этих лиц на него самого, связь его собственной души с душою героев делается очевиднее, нагляднее, чувствуешь смутно, что нечто подобное должен был испытывать и он сам. — И если не все правда в таком непосредственном чувстве, то, по крайней мере, оно так распространено, что нет ничего легче, как слышать про такого писателя, что он выводит себя в своих героях; точно так, как про писателя комического, будто он выводит своих знакомых и родных. —

Это обстоятельство смутно понимается как писателями, так и читающей публикой, и потому часто мешает писателю, хотя, может быть, и бессознательно, выводить чувства и мысли своих героев во всей той полноте и естественности, в какой подсказало бы ему их при создании ничем не испорченное воображение. — Приняв же в соображение то отвращение от искреннего выражения чувств, которое составляет болезнь нашего времени, мы увидим, что трудность искренности в своих созданиях еще усиливается для писателя. — Конечно, те дилетанты писатели, которые пишут сплеча, бессознательно повинаясь существующему направлению в литературе, не чувствуют никаких подобных затруднений, они не знают хорошенько, что делают, но сказанный недостаток в предводителях литературы отражается непременно и на них.

Мы говорили преимущественно о литературе прежней, но если обратимся к современной, то едва ли не принуждены будем найти и в ней тот же недостаток. — Не говорим уже о тех повестях и романах, где всякие сердечные и искренние отношения искажаются, изображаясь каким-то общим, ничего не значащим

образом, где самое страстное, например, объяснение в любви производит только чувство смешного, и иногда даже возмутительного. — Нет, во многих даже очень порядочных повестях и романах заметно какое-то умышленное избежание таких сцен, в которых особенно нужна искренность и свежесть того душевного запаса, какому бы следовало потратиться на них, и это будет очень понятно, если вспомним, как долго литература наша была наводняема такими произведениями, где не было и помину о внесении в искусство действительных и живых наблюдений над собою и другими, — где для всего существовали известные приемы, коими совершенно удовлетворялась публика, строго отделяя жизнь изображаемую в литературе от жизни действительной; понятно будет и то, что нескоро могли освободиться наши писатели от такого направления, и что нужны усилия больших талантов для того, чтобы понемногу вводить в литературу новые, живые начала.

Мы не хотим сказать, чтобы одной г-же Тур принадлежало то, что мы называем искренностью в искусстве. — Но заметив в ней это достоинство, мы поспешили изложить (по поводу повести) наше мнение об этом предмете. Притом явление, о котором мы говорим, если и не совсем ново, то это не мешает ему быть все-таки очень утешительным явлением. —

Переходим теперь к третьему и последнему пункту наших общих рассуждений — о характере, таланте и деятельности г-жи Тур. — Направление нашей литературы по преимуществу сатирическое, такое направление показывает несомненно только одно — невозможность полного и ясного олицетворения идеала. — Какие бы ни были причины этого явления, оно во всяком случае заслуживает внимания. Г-жа Тур не подчинилась этому общему направлению. Или, по крайней мере, ей больше понравилась идиллическая форма. — Она берет несколько лиц, удаляет их куда-нибудь от света и его влияний, заключает их в отдельный, уединенный от всего кружок, и любит сама (заставляя и нас любоваться вместе с собою) их простыми отношениями. Надобно заметить, что в этом последнем деле она мастер. Никто не умеет так рельефно выставить всей прелести тех мелких, ежедневных отношений, тех чувств без помехи, которые действительно возможны в такой жизни, какую создает автор для своих героев. — Силою своего таланта он умеет совершенно увлечь вас изображением жизни и отношений трех или четырех хороших людей, живущих в одном тесном круге; под влиянием этого изображения вы начинаете мечтать о возможности и благополучии такой жизни, — но потом невольно приходит в голову, что жить так вдали от людей нельзя, да и не следует, что есть нечто посерьезнее мирной и тихой жизни в деревне или на даче, что туда, в эту более серьезную среду, нужно бы устремить свое исключительное внимание автору... но да простит нас автор за нашу требовательность; он имеет полное право не давать весу нашим личным мнениям; и даже больше: право показать нам неосновательность нашей требовательности, создав нам в этом роде вполне художественное создание.

После этих общих замечаний обратимся к новой повести г-жи Тур — «Две сестры». Содержание ее просто и не запутано. — На даче недалеко от Сокольников живут в соседстве Иван Петрович Бемский, полковник в отставке, уже довольно пожилой и богатый человек, и Елена Ивановна Бертина, девушка лет двадцати пяти с знакомой старушкой. — Бемский, посещающий соседку каждый день и успевший оценить ее солидные достоинства, пожалуй бы, и не прочь питать к ней чувства несколько посильнее той дружбы, которая ограничивалась правом на всегдашнее участие, постоянный ласковый прием и, наконец, на возможность ходить к ним одетым по-домашнему и с трубкой во рту; он был в тех годах, когда перестают гоняться за тревожными волнениями любви, и представления о ней начинают уже смешиваться с представлениями о дружбе. — Дружбой Елены он пользовался, и притом

исключительно, чего же более? К этому присоединилась лень, как черта, которая мешала ему сделать какие-нибудь усилия для того, чтобы переменить свои отношения к Елене на другие. С своей стороны, Елена совершенно удовлетворялась такою дружбою с Бемским и, несколько уже утомленная и обессиленная страданиями, вынесенными в ранней молодости, разумеется, не искала развить в себе какую-нибудь страсть. — Понятно, что подобные отношения могут продолжаться сколько угодно времени, если не нарушатся чем-нибудь посторонним. — Этот посторонний элемент явился в лице Арбеньева, молодого приятеля Бемского, приехавшего пожить с ним на даче, и которого он, разумеется, немедленно представил Елене. — Этот Арбеньев был совсем другой человек; живой и деятельный от природы, и еще не успевший облениться, как Бемский, он, конечно, не мог подчиниться тем отношениям, какие установились между Еленою и его приятелем. — Короче, — он сразу влюбился в Елену. Она сначала не давала ему много цены. Слишком уж серьезная и рассудительная, она была даже недовольна его излишнею живостию и ветренностию. «Но, — как говорит автор, — в этом случае Елена находилась в явном противоречии с собою. Рассудок и ум ее судили о нем уже слишком строго, а своевольное сердце, которому еще никто и ничто не может предписывать законов, увлекалось этим молодым, красивым человеком: ей нравилась и беспечная веселость Арбеньева, и детскость, часто проглядывавшая в его привычках и характере». — Женщина с таким характером, как Елена, может поддаться любви только под одним условием, когда это чувство не испугает ее в самом начале, а подкрадется незаметно, неслышно. — Так и случилось. — Мы видели, что Елена сначала холодно разбирала Арбеньева, и рассудок ее был не совсем им доволен. Но мало-помалу постоянная жизнь вместе, беспрестанные столкновения раскрыли пред ней действительные достоинства Арбеньева: ум, доброту, мягкость, искренность, — и она, сама того не замечая, вся отдалась любви к нему. — Так протекало несколько времени без взаимных объяснений. Описание этого постепенного развития любви, уже составлявшей очарование обоих, оказывавшей на обоих их свое благотворное и живительное влияние, но еще не вполне ими сознанной, принадлежит к лучшим местам в повести. — Первый нарушил эту гармонию Бемский. — Приняв на себя роль покровителя Елены, он вступил в объяснение с Арбеньевым и посоветовал ему просить руки ее. — Елена, как и следовало ожидать, сначала испугалась этого предложения, но потом призналась в своей любви и обещала руку, с тем только условием, чтобы подождать приезда сестры, которой Арбеньев должен был понравиться, потому что иначе Елена, всю свою жизнь посвятившая сестре, не могла быть счастлива. — Описание нескольких дней, прожитых уже в сознании взаимной любви, есть опять едва ли не лучшее место в повести: сколько правды, искренности в изображении их взаимных чувств, слов. Наконец, приезжает сестра: Ида — капризный, балованный, но милый, грациозный ребенок. С самого первого ее появления становится понятно эксцентрическая, болезненная любовь к ней старшей сестры. Надобно сознаться, что это лицо чрезвычайно удалось автору. — Смело рекомендуем всю сцену первого свидания ее с Бемским и Арбеньевым, как истинно художественную. — Арбеньев, верный своему обещанию, старается всеми силами о том, чтобы угодить Иде. — Это удается ему как нельзя лучше. — Бемский, чувствуя себя несколько лишним в этом кружке и убегая бесполезных волнений ревности, решил уехать в деревню. — Началась полная довольства и счастья жизнь втроем, мастерски изображенная автором. — Началась новая жизнь и для Иды, почти не расстававшейся с таким молодым, красивым и добрым человеком, как Арбеньев. — Но никто не замечал того, что делалось с ней, хотя следующая небольшая сцена и могла бы открыть глаза Елене и Арбеньеву. — Однажды Ида с Арбеньевым возвратились с прогулки. В руках Иды был букет из полевых цветов, среди которых красовался желтый водяной

цветок. Арбеньев достал его в реке, хотя и оступился по этому случаю. Ида весело рассказывала это приключение.

— Рыцарь мой, я довольна вами, — сказала она, — смеясь и протягивая ему руку.

Арбеньев, следуя ее минутной прихоти, склонил почтительно колено, взял маленькую ручку, ему протянутую, прижал ее сперва к губам, потом к сердцу и сказал полужутя полусерьезно:

— Я ваш навек с этого часа. Vous êtes la dame de mes pensées¹.

Идочка, казалось, не ожидала этого; она перестала смеяться и взглянула на молодого человека; его бело-русые кудри покрывали часть лица; лицо грациозно склонилось к руке ее... Она тихо отвела свою руку и покраснела.

— Ты видишь, — сказала она сестре, стараясь осилить невольное замешательство, — мы будто старые друзья, и я должна предупредить тебя, что составила против тебя заговор.

— Какой же? — спросила Елена.

— Я рыцарь Иды Александровны, — отвечал Арбеньев весело, — и буду беспрекословно исполнять ее волю. По уставу рыцарей, воля ее должна быть моим законом, не так ли?

— Да, но вы еще не носите ее цвета, — заметила Елена, продолжая шутить.

— В самом деле, — сказал Арбеньев, — как же мы забыли это?

Он взял лежавшие на столе ножницы и, подошедши к Иде, отрезал маленький кончик от голубого ее пояса, опять стал на колени перед нею, а Ида, красная, вдела в петлицу сюртука его голубенькую ленточку.

— Кажется, так? — спросила она сестру, улыбаясь.

— Совершенно так — сказала Елена, глядя с неизъяснимым удовольствием на сестру и на Арбеньева. Ида, не зная, что делать, встала, взяла цветы свои и, налив воды в две цветочные вазы, искусно стала расставлять два букета. Арбеньев подошел к Елене и хотел сесть подле нее, она взором указала ему на Иду — он повиновался.

Читатель уже конечно догадался, что Ида полюбила Арбеньева. Любовь ее выражалась сначала послушанием. Черта чрезвычайно верно подмеченная в таком простодушном ребенке.

Влияние Арбеньева на нее было так велико, что он без усилий заставлял ее даже отказаться от бала на вокзале, или от гулянья, или от фейерверка, который пускали в соседстве и куда Елена боялась пустить сестру, потому что ночи становились сыры и холодны. Однажды Ида изъявила такое сильное желание ехать на бал, что Елена должна была согласиться; но когда, приехав в вокзал, Ида хотела вальсировать в большой зале, где окна были открыты, и, несмотря на просьбу сестры, сняла уже шаль свою, один Арбеньев мог заставить переменить это намерение: двух его слов, сказанных с упреком, было достаточно. Ида с радостью жертвовала ему своим удовольствием.

Но все эти признаки зарождавшейся любви оставались незамеченными Еленой и Арбеньевым. Остались также непонятными и две других сцены, в которых, однако, ясным для всякого читателя образом выразились отношения Иды к Арбеньеву. Автор, очевидно, вел дело к замышленной впереди катастрофе. Наконец, предположенный отъезд Арбеньева для того, чтобы испросить у матери согласия на брак свой с Еленой, открывает всем глаза. Происходит у двух сестер тяжелое объяснение, из которого Елена убеждается в любви Иды к Арбеньеву. При этом просыпается вся эксцентрическая любовь Елены к самоотвержению, жертвам, и она решается на странное дело, заставить Арбеньева, любившего ее, жениться на Иде. Еще страннее, что Арбеньев соглашается и женится действительно, и героиня уезжает, написав к новобрачным довольно длинное и полное рассудительности письмо.

* * *

Читатели видят, что содержание повести не многосложно. Но подробности в ней есть превосходные; о некоторых мы упомянули, другие пусть прочтутся

¹ Вы госпожа моих помыслов (франц.).

в самой повести. — Теперь скажем несколько слов о характерах и об общем впечатлении повести. Самый лучший характер в художественном отношении, по нашему мнению, — характер Иды. — От начала до конца она не изменяет себе ни в чем. Нельзя сказать того же самого про Елену. Видно, что над ним автор много думал, что это лицо ему очень дорогое. И действительно, ему удалось собрать в него много прекрасных черт, но не сложить все их в один живой образ. Оттого есть сцены, где он заставляет ее высказывать свои убеждения, иногда даже несколько резонерствовать с единственной целью показать ее умственные и нравственные достоинства. Автор как будто хочет заставить читателя признать достоинства Елены. — Незаметно даже, чтобы он где-нибудь был судьей этого лица, хотя оно, конечно, не безукоризненно и в человеческом отношении. Об Арбеневе и Бемском нельзя сказать многого. Разве только то, что они оба верно охарактеризованы самим автором.

Но что сказать о целом впечатлении, производимом повестью? Оно, во-первых, очень тяжелое, и, надобно сказать правду, тяжесть этого впечатления не искупается ничем. — За что автор, подарив нам целый ряд полных прелести и истины картин, заставляет нас страдать при конце рассказа, представив как будто неотразимым и неизбежным такое событие, какое случилось с Еленой? Желал ли он написать панегирик самоотвержению, или не одобряет он такого самоотвержения? Ничего этого не видать. — Какая же мысль лежит в основе всей повести? Мы все, конечно, под влиянием такого таланта, каков талант г-жи Тур. Она может и очаровать нас полными прелести картинами, и потом вдруг заставить страдать от таких сцен, какими заключается повесть «Две сестры». — Но, освободившись из-под тяжелого впечатления, мы сохраняем право спросить: за что?

В следующем отделе февральской книжки «Отечественных записок» помещены «Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Часть пятая. Окончание», — и в высшей степени интересная статья И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей прежнего времени». — В первой помещенной здесь части заключаются следующие отделы: «Царский дворец. Значение этого слова. Очерк истории дворца до Петра Великого. Древнейший княжий двор на Руси; его состав и наименование частей. Сведения о первоначальном деревянном дворце московских великих князей. Общий характер древних деревянных построек в московском государстве: избы, клети, повалуши, подклети, сени, горницы, комнаты, светлицы, сенники, чуланы, каморки, вышки, чердаки, терема и проч. — Состав государевых хором. Постельные хоромы: крестовая, опочивальня, комната, передняя, верхние сени, сенник, мыленка и проч. Приемные хоромы, постройки хозяйственные. Дворец каменный, воздвигнутый в конце XV века. Его расположение в начале XVI века. Пожар 1547 года. История дворца при Грозном и его преемниках. Дворцовые здания в смутное время. Восстановление дворца при царе Михаиле. Нововведения царя Алексея Михайловича. Новый характер украшений, внешних и внутренних». — Таково богатство сведений, представленных этою первою частью статьи Забелина. — Из них уже можно заключить, какое обилие материалов должен был иметь под рукою автор и какое добросовестное изучение их должно было предшествовать этому труду. Для нас статья Забелина представляет еще и потому утешительное явление, что служит залогом других подобных исследований о древней русской жизни, ибо доказывает возможность приступить к разработке материалов, доселе преимущественно собираемых и издаваемых, разработке, коей положил основание, начало своими трудами г. Снегирев, обративший прежде всех внимание на этот предмет.

Во второй и последней статье «Русская литература в 1850 году» содержатся следующие отделы: «Всеобщая история. — География. — Статистика. — Чистая математика. — Астрономия. — Геодезия. — Механика. — Химия. — Физика — Естественные науки. — Сельское хозяйство. — Журналистика». — Как в первой части всего

более места посвящено было обозрению трудов по части русской истории, так в этой второй главное богатство составляет оценка сочинений по части всеобщей истории, а именно разбор книги г. Грановского «Аббат Сутерий», г. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе», двух журнальных статей профессора Куторги, напечатанных в «Современнике», — «Перикл» и «История папской власти до смерти Карла Великого и восстановления Западной Римской империи».

О других отделах этой статьи сказать нечего, разве только несколько слов о журналистике. — В том, что говорит критик о «Москвитянине», нам показались не совсем уместными тон его и постоянное сравнение с самим собою. Если, как говорит сам критик, «Москвитянин» хочет во многих отношениях сравниться с толстыми журналами, то есть, по его мнению, улучшиться, то каким образом это может быть неприятно критику «Отечественных записок»? А это чувство не скрыто в тоне замечаний. Далее, если «Отечественные записки» давно хороши, а «Москвитянин» только начинает толстеть, то неужели в нормально устроенном человеке или журнале такое явление способно вызвать только сравнение с самим собою и самоудовлетворение. Мы поговорим еще при случае об этой статье. Нельзя не сознаться пока в справедливости одного замечания, что «Москвитянин» в последнее время точно уделял мало места родной истории! Мы сознаемся, но вместе спросим: а когда это было наоборот, почему тогда петербургские журналы не отдавали ему справедливости? В последние два года в издании «Москвитянина» приняли участие многие новые литераторы (и число их с каждым месяцем увеличивается), которым редактор уступил место. А касательно материалов исторических всякого рода, он может снабжать ими все петербургские журналы. При настоящем распространении «Москвитянина» русская история займет, разумеется, прежнее место.

А. Н. Островский
«Тюфяк», повесть А. Ф. Писемского. Москва, 1851 г.

Впервые: М. 1851. № 7. С. 374–382. Подпись: О. Цензурное разрешение — 01.04.1851. Цензор Д. С. Ржевский.

Переизд.: *Островский А. Н.* Пол. собр. соч.: В 16 т. М., 1952. Т. 13; *Островский А. Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 10; *Островский.* Т. 10.

Автограф с правкой: РГБ. Ф. 231/III. Карт. 9. № 18 (до слов «все это только путает художественность»). Некоторые выражения и фразы в рукописи подверглись небольшой стилистической и композиционной правке. Существенных смысловых различий между рукописью и белым текстом нет.

Рецензия Островского на повесть А. Ф. Писемского «Тюфяк» — один из ключевых текстов для понимания эстетической программы «молодой редакции» «Москвитянина». Островский принимал непосредственное участие в публикации повести своего костромского друга в журнале. Еще весной 1850 г. по протекции друга Писемский послал незаконченную рукопись повести М. П. Погодину (см. его письмо к Погодину: *Островский.* Т. 11. С. 21). «Тюфяк» воспринимался «москвитянинцами» как этапное событие в русской литературе. Установка Писемского на предельную объективизацию повествования, сведение счетов с «лермонтовским» направлением, принципиальная «антিলитературность» поведения центральных персонажей импонировали «молодой редакции» (см.: *Вдовин.* С. 115–116; *Зубков.* С. 78–91). Хвалебная рецензия Островского является своего рода продолжением идей, высказанных в обзоре № 2 «Отечественных записок» за 1851 г. Эдельсона, где утверждалось, что комедия (ключевой жанр для эстетики «молодой редакции») стала «первым выходом к естественности и искренности», преодолев, таким

образом, недостатки «натуральной школы» и «светской» литературы, но столкнулась, в свою очередь, с собственным жанровым ограничением — заданным отношением автора к герою (см. наст. изд., с. 71). Объективный, непредвзятый взгляд на своих героев, отсутствие личных пристрастий и ставится в заслугу Писемскому в рецензии Островского. Это свойство автора «Тюфяка» в рецензии называется «искренностью таланта»: «В этом произведении вы не увидите ни любимых автором идеалов, не увидите его личных воззрений на жизнь, не увидите его привычек и капризов, о которых другие считают долгом довести до сведения публики» (с. 81). Трактовка категории «искренности», таким образом, здесь прямо противоположна той, что была предложена «Современником». Его ответом на защищаемую Островским концепцию стала рецензия на альманах «Комета», предположительно атрибутируемая Некрасову (см. наст. изд.). В ней обосновывается классификация талантов на «личные, или лирические», и объективные, а ставка на последних признается исторически устаревшей и обреченной (см. рецензию на альманах и коммент. к ней в наст. изд.). Критикуя готовность «молодой редакции» всякое «произведение, обнаруживающее талант, имеющее справедливо заслуженный успех в публике», рассматривать в категориях истинной художественности, Панаев в «Заметках Нового Поэта» за сентябрь 1851 г. скорее всего имел в виду именно рецензию Островского. По справедливому замечанию фельетониста «Современника», Островский в своей рецензии злоупотребляет словом «художественный» (см. наст. изд., с. 634).

С. 77. Появление «Тюфяка» отдельным изданием... — См.: Писемский А. Ф. Тюфяк: Повесть. М., 1850. Журнальная публикация: М. 1850. № 19–21.

С. 77. ...не много литературных явлений могут похвалиться таким полным и общим сочувствием. — «Тюфяк» в целом был принят критикой очень хорошо. «Отечественные записки» откликнулись на журнальную публикацию дважды. В обзоре № 13–21 «Москвитянина» за 1850 г. повесть Писемского была названа «лучшим произведением по части отечественной беллетристики» за год. По наблюдению критика, в «Тюфяке» «событие идет само собою независимо от авторского плана и мысли — а между тем ясно, что автор понимает его, что ему известно значение каждого действующего лица» (ОЗ. 1850. № 12. Отд. VI. С. 122). Напомнив читателям о высокой оценке повести в «Отечественных записках», автор статьи «Русская литература в 1850 году» указывает на недостатки «Тюфяка», «чтобы показать автору, как мы дорожим каждым новым дарованием». Таких недостатков критик обнаруживает три: неестественность любви Юлии Владимировны к Бешметеву, неестественность посредничества Лизаветы Васильевны при сватовстве Бешметева (учитывая ее опыт неравного брака), «отсутствие экономических расчетов при художественном развитии характеров». В последнем случае имеется в виду, что «каждое лицо <...> с первого своего появления овладевает вниманием и любопытством читателя, так что автору почти не остается возможности еще сильнее возбуждать любопытство. Поэтому раскрытие характеров не представляет постепенно возрастающего интереса» (ОЗ. 1851. № 1. Отд. V. С. 25–26). Первые отзывы «Современника» (1850. № 11–12) о «Тюфяке» принадлежат Дружинину (см. наст. изд., с. 51). Развернутый анализ характеров повести содержится во второй части статьи «Обозрение русской литературы за 1850 год» (по мнению В. Э. Бограда (см.: *Боград В. Э.* Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М., Л., 1959. С. 166), статья коллективная, один из авторов — В. П. Гаевский). В заключении этого чрезвычайно комплиментарного отзыва содержится единственное замечание: «Прочтя первую часть <...> мы никак не ожидали, такой быстрой развязки, какая последовала во второй. Автор так много страстей вывел на сцену, что мы ожидали более продолжительную борьбу» (С. 1851. № 2. Отд. III. С. 73). Одобрительный отзыв на отд. изд. «Тюфяка» опубликовала и «Библиотека для чтения». Единственный упрек автора рецензии повторяет замечание «Современника»: «Недостаток общий заключается в некоторой поспешности, особенно под конец повести» (БдЧ. 1851. № 5. Литературная летопись. С. 13).

С. 77. Предоставляя себе право разобрать журнальные отзывы о нем в отделе журналистики... — Это намерение осталось нереализованным.

С. 77. ...не совсем современно хвалить в журнале произведения своих сотрудников... — Подробный разбор произведений авторов, печатавшихся в том же журнале, что и критик, — грубое нарушение журналистских этических норм этого времени. Хвалебные отзывы Островского о Писемском и Григорьева об Островском являлись следствием нового отношения к литературе, выработанного «молодой редакцией» «Москвитянина». В иерархии ценностей «москвитянинцев» литература располагалась так высоко, что любое «партийное» суждение о ней признавалось ими по определению неверным, а потому подлинно глубокая критическая статья могла появиться в любом журнале, вне зависимости от позиции его редакции. Отсюда ироническое рассуждение Островского об опасности курьеза «настоящего разделения труда». Отбрасывание «политической экономики» как не имеющей никакого отношения к настоящему искусству, безусловно, адресовано

петербургской журналистике, в практике которой формировались неприемлемые для «молодой редакции» нормы (см.: *Зубков*. С. 48–50). Реакция на высказанное здесь мнение «молодой редакции» содержится в «Заметках Нового Поэта о современной журналистике» за июнь 1851 г.: Панаев здесь обвиняет «Москвитянин» в пристрастном отношении к творчеству К. К. Павловой и Ф. Н. Глинки, которые, по мнению фельетониста, заслужили похвалы в журнале Погодина только потому, что сами являются его сотрудниками (см. в наст. изд., с. 151).

С. 77. ...зачалась она в голове автора не в отвлеченной форме ~ до более типичного представления... — Типичное для «молодой редакции» представление о творческом процессе, восходящее к шеллингианской эстетике. Ср. у Эдельсона: «Во всякое произведение искусства, кроме идеи автора, входит еще запас наблюдений, как над самим собой, так и над окружающего его жизнью. — Раскрыть связь между идеей и употребляемым ею материалом — дело трудное; но то не подлежит, кажется, сомнению, что сама идея не может быть вполне художественною, если этот материал не сохранился в душе в своем настоящем виде, не искаженный какими-нибудь лукавыми мудрованиями» (наст. изд., с. 71). У самого Островского в ранней рецензии на «Ошибку» Е. Тур содержатся претензии именно к чрезмерной рационалистичности произведения, перегруженного отвлеченными рассуждениями: «Результаты глубокой наблюдательности и правдивая оценка того или другого быта, при всей своей истине и значительности, если являются в художественном произведении в виде описаний и сухих рассуждений, вредят целости впечатления. Все, что вы говорите, прекрасно и по убеждениям, и по чувствам, которыми они вызваны, и все это истинная правда; да художеству нужны образы и сцены, и одни только они всеильны и над воображением, и над волей человека» (наст. изд., с. 42).

С. 77–78. Под какой бы формой ни явилось произведение, отвечающее подобным требованиям, оно будет художественное произведение... — Признание равной ценности любой формы при истинно художественном содержании нашло отражение также в статьях Эдельсона. Ср., например, в обзоре «Отечественных записок» за 1850 г.: «...нет формы, которая бы не годилась вообще; но, когда произведение лежит пред нами уже готовое, мы имеем полное право судить об удачном или неудачном выборе формы и предполагать, что та же самая мысль стала бы яснее и сильнее, будучи выражена иначе» (наст. изд., с. 62).

С. 78. Только художественные произведения имеют прочность в литературе и составляют ее приобретение... — Полемический выпад против идей Белинского о важной роли беллетристики в литературной системе близок к рецензии Островского на повесть Е. Тур «Ошибка».

С. 81. К несчастью, критики не обратили на нее внимания и говорили о постороннем. — Краткий обзор критических откликов на повесть Писемского см. выше.

С. 81. Искренностью таланта мы назовем ~ чисто личных ощущений. — Этот фрагмент перекликается с соображениями автора рецензии на «Комету» в «Современнике»: у лирических талантов, «что бы ни писали они, личность их всегда на первом плане; и, разумеется, чем замечательнее она по уму, сердцу, оригинальности воззрения, тем более имеет значения для читателей» (наст. изд., с. 112). Вместе с тем Островский скорее понимает личность не как индивидуальное своеобразие, а как отражение общечеловеческих и национально-исторических свойств в одном человеке. Имел ли в виду Островский какого-то конкретного автора, судить невозможно. Отсутствие личных впечатлений автора в «Тюфяке» объявляется достоинством повести и в анонимной рецензии «Библиотеки для чтения»: «Автор далеко запрятал свою личность: из его повести вы не узнаете ни его убеждений, ни образа мыслей; каждое действующее лицо говорит и действует по-своему, и ни одно из них не носит чужого отпечатка. Такая полнота и художественность возможны только при совершенном отречении от всякого идеализирования и при исключительном обращении к действительности» (БдЧ. 1851. № 5. Литературная летопись. С. 5).